

Т. Ф. ВОЛКОВА

Комментарий к одному фрагменту «Казанской истории»

(Сюжет «Сергиева видения» в сочинениях XVI в.
о взятии Казани)

Цель данной статьи — обратить внимание исследователей на один небольшой фрагмент «Казанской истории», который дает дополнительный материал для исследования известного иконографического сюжета «Явление богородицы пренеподобному Сергию Радонежскому».¹

В рассказе «Казанской истории» (далее — КИ)² о первом этапе осады Казани войсками Ивана Грозного осенью 1552 г. содержится небольшой фрагмент, составляющий отдельную главу («О посланных черноризцах из обители живоначальной Троицы Сергиева монастыря. Глава 68»),³ сюжетная функция которого — подчеркнуть правоту Ивана Грозного в его споре с боярами. В этом фрагменте рассказывается о том, как после принятия Иваном Грозным — вопреки желанию воевод — решения продолжать осаду города, несмотря на отсутствие продовольствия, надвигающиеся холода и упорное сопротивление казанцев, в его лагерь под Казанью пришли «два инока» из Троице-Сергиева монастыря, «посланные игуменом к благочестивому царю и носяще святую икону, на ней же написан образ живоначальной Троицы и пресвятыя богородицы со двема апостолами — видение Сергия чудотворца, и просвиру, и воду святую» (с. 139). За приведенным сообщением о прибытии иноков в КИ следует текст благодарственной молитвы Грозного, обращенной сначала к богу, а затем к богородице и Сергию Радонежскому, изображенным на принесенной иконе. Завершается фрагмент лаконичным сообщением о переломе, наступившем в ходе осады Казани после прибытия в русское войско троницкой иконы: «И от того дне, в онъ же икона прииде, вся благочестивому царю от господа радость и победа даровашеся» (с. 140).

Упоминание о прибытии под Казань посланцев из Троице-Сергиева монастыря с иконой «Сергиева видения» содержится не только в КИ.⁴

¹ Впервые материал «Казанской истории» в связи с изучением иконы «Сергиева видения» был привлечен О. А. Белобровой при характеристике памятников иконографии, созданных в Троице-Сергиевом монастыре в XV—XVI вв. См.: О. А. Белоброва. Живопись XV—XVI вв. — В кн.: Троице-Сергиева лавра. Художественные памятники. М., 1968 (далее: О. А. Белоброва), с. 98. — Пользуясь случаем, благодарю О. А. Белоброву за помощь, оказанную мне при разыскании иконографических материалов для данной статьи.

² См. издание текста: Казанская история. Подгот. текста, вступит. статья и примеч. Г. Н. Моисеевой. М.—Л., 1954 (далее: Казанская история).

³ Казанская история, с. 139—140 (далее страницы указываются в тексте, в скобках).

⁴ В основном летописном источнике, из которого автор КИ черпал фактический материал для своего рассказа о походе 1552 г., — «Летописце начала царства царя и великого князя Ивана Васильевича» — и во всех летописях, передающих при изложении событий 1552 г. текст «Летописца» в разных его редакциях (Никоновской, Львовской, Типографско-академической, Царственной книге), факт прихода к Грозному под Казань троницких иноков с дарами не зафиксирован.

Еще Г. З. Кунцевич отметил,⁵ что рассказ об этом событии читается в двух текстуально близких литературных памятниках, рассказывающих о казанском взятии: в так называемом «Отрывке русской летописи по Воскресенскому Новоиерусалимскому списку»⁶ и в отдельном сказании о походе 1552 г., им самим открытым и изданном⁷ (условно назовем его вслед за Г. З. Кунцевичем «Записками»).

В «Записках» и «Отрывке» в отличие от КИ названо имя одного из посланцев Троице-Сергиева монастыря — «соборного старца» Адриана Ангелова, причем упоминается и то, что его сопровождали «священники» (имена их и число не названы). Более подробно в этих произведениях рассказывается о принесенных из монастыря дарах: помимо иконы «Сергиева видения», просфоры и «святой» воды упомянут золотой крест с «чудотворными» мощами преподобного Сергия; подробнее описывается (в «Отрывке») и принесенная икона: называются имена изображенных на ней апостолов — Петра и Иоанна, подчеркивается богатое убранство иконы (образ был «златом же и бисеромъ украшенъ»). Вместе с тем данные фрагменты «Отрывка» и «Записок» значительно короче соответствующего фрагмента КИ: в них отсутствует развернутая молитва Ивана Грозного, произнесенная им при получении даров, и сообщение о последовавших вскоре победах русского воинства над казанцами. Вместо этого в «Записках» и «Отрывке» в сходных выражениях сообщается о получении Иваном Грозным одновременно с троицкими дарами еще одной «святыни» — «Киликиевского» креста из вологодского Спасо-Прилуцкого монастыря.⁸

⁵ См.: Г. З. Кунцевич. История о Казанском царстве, или Казанский летописец. Опыт историко-литературного исследования. СПб., 1905 (далее: Кунцевич. История), с. 451—452.

⁶ «Отрывок» опубликован: ПСРЛ, т. VI. М., 1853, с. 277—315. — В первой своей части данный летописный свод представляет собой соединение свода 1539 г. с Софийской I летописью младшего извода (см.: А. А. Шахматов. Обзорение русских летописных сводов XIV—XVI вв. М.—Л., 1938, с. 370—372; А. Н. Насонов. История русского летописания. М., 1969, с. 254, 322, 354, 358, 468—469). Вторая часть «Отрывка», содержащая рассказ о Казанском походе 1552 г. и взятии Казани, почти не исследована. Лишь С. М. Шпилевский и Г. З. Кунцевич обращались к этому летописному тексту как непосредственному источнику КИ позднейших редакций (см.: С. М. Шпилевский. Древние города и другие болгаро-татарские памятники в Казанской губернии. Казань, 1877, с. 552—567; Кунцевич. История, с. 530—531, 541, 556). Текст «Отрывка» наряду с текстом «Летописца начала царства» в составе Никонской и Львовской летописей использовался А. Н. Ясинским для обоснования концепции об исторической достоверности фактов Казанской войны, приводимых А. М. Курбским в его «Истории о великом князе московском» (см.: А. Н. Ясинский. И. Я. Соколинский. Сочинения князя Курбского как исторический материал. Киев, 1889, с. 131—139). Однако во всех этих работах отсутствует какая-либо сравнительная характеристика текста «Отрывка» за 1552 г. и соответствующего материала летописей, освещающих те же события. Не определено и время создания статей «Отрывка» о казанском походе. В настоящее время можно говорить лишь о том, что источник этих статей уже существовал к 1592 году, ранее которого не могла возникнуть вторая редакция КИ (см.: Казанская история, с. 21), включившая в себя почти полностью текст «Отрывка».

⁷ См.: Г. З. Кунцевич. Два рассказа о походах царя Ивана Васильевича Грозного на Казань в 1550 и 1552 годах. — ЖМНП, 1898, № 7, с. 135—145. — Автором первого сказания, по предположению Г. З. Кунцевича, мог быть Нифонт, архимандрит московского Новоспасского монастыря (с 1554 г. епископ Сарский), принимавший участие в казанском походе 1550 г.; с меньшей вероятностью Г. З. Кунцевич допускал причастность Нифонта к созданию второго сказания — о походе 1552 г., участником которого он не был, но сведения о нем мог получить от очевидца событий Адриана Ангелова (см.: Г. З. Кунцевич. Малоизвестные записки о казанских походах 1550 и 1552 гг. — ЖМНП, 1898, № 8, с. 144—145). Близость «Записок» к тексту «Отрывка русской летописи» Г. З. Кунцевич вначале объяснял заимствованием текста «Записок» составителем «Отрывка», но впоследствии пришел к выводу, что оба автора пользовались общим источником (см.: Кунцевич. История, с. 535—536).

⁸ В тексте «Записок» и «Отрывка» мы не находим прямого указания на Спасо-Прилуцкий монастырь: игумен, принесший Грозному крест, в одном тексте («Записках») именуется Воздвиженским, в другом («Отрывке») — Дмитриевским. Однако название креста — «Килькьевской» («Записки») и «Кликелевской» («Отрывок») —

А. Н. Насонов открыл еще один литературный памятник, повествующий о взятии Казани,⁹ в котором отыскивается источник рассматриваемого фрагмента КИ.

Рассказ о приходе троицких иноков под Казань с иконой «Сергиева видения» находится во второй части этого произведения — «Повести». Как убедительно показал А. Н. Насонов, открытый им памятник был создан в стенах Троице-Сергиева монастыря, крупнейшего культурного центра Московской Руси, вскоре после казанской победы (не позднее июня—июля 1553 г.). Автором его был, по-видимому, один из тех троицких чернецов, которые в момент взятия Казани находились в лагере Ивана Грозного. Возможно, это был келарь монастыря Адриан Ангелов, известный по письменным источникам своей культурно-организаторской деятельностью и причастностью к литературной работе, ведшейся в монастыре.¹⁰

При сопоставлении фрагмента троицкой «Повести» о приходе к Ивану Грозному Адриана Ангелова и аналогичного рассказа КИ обнаруживается, что автор последней не просто дословно заимствует текст троицкой «Повести», но существенно его сокращает и изменяет композицию.¹¹ Переработка троицкого текста в КИ состоит в последовательном сокращении всех подробностей, связанных с Троице-Сергиевым монастырем (в частности, опущены имена Адриана Ангелова, игумена Гурия и др.), и выдвигении на первый план образа Ивана Грозного, ибо для автора КИ, в отличие от троицкого книжника, важно было подчеркнуть не роль Троице-Сергиева монастыря в победе над Казанью, а правоту Грозного-полководца, устоявшего перед «злым советом» воевод снять осаду Казани: за свое решение биться с казанцами до победы или погибнуть царь в КИ вознаграждается сначала прибытием «чудотворной» троицкой иконы, потом

указывает на то, что речь идет здесь, по-видимому, об известном кресте из Спасо-Прилуцкого монастыря, в настоящее время хранящемся в Вологодском музее (№ 1363). Это «большой восьмиконечный запрестольный крест... обложенный медной золоченой басмой. В отдельных углублениях креста помещено 84 вставки с резными на кости изображениями праздников и святых» (Т. В. Никольская. Произведения мелкой пластики XIII—XVII вв. в собрании Загорского музея. Каталог. Загорск, 1960, с. 73). По легенде «Киликиевский» крест был принесен в Вологду в конце XIV в. основателем Спасо-Прилуцкого монастыря преподобным Дмитрием, сподвижником Сергия Радонежского. Название креста связывалось с греческой местностью Киликией, откуда его могли доставить в Москву к великому князю Дмитрию Ивановичу часто приезжавшие из Греции монахи, а он, в свою очередь, — подарить крест Дмитрию Прилуцкому, которому оказывал особое покровительство (см.: Исторические сказания о жизни святых, подвизавшихся в Вологодской епархии, прославляемых всею церковью и местно. Вологда, 1880, с. 113; Описание вологодского Спасо-Прилуцкого монастыря. Изд. 3-е. Вологда, 1902, с. 38). Однако исследование резных изображений на кресте привело искусствоведов к выводу, что создание креста следует относить к первой половине XVI в., так как в стиле резных по кости миниатюр «Киликиевского» креста, исполненных в лучших традициях искусства мелкой пластики, обнаруживается сходство со стилем, выработанным в искусстве Дионисия и его школы (см.: В. Н. Лазарев. Дионисий и его школа. — В кн.: История русского искусства, т. III. М., 1955, с. 538—540). Факт передачи «Киликиевского» креста игуменом Спасо-Прилуцкого монастыря Ивану Грозному накануне Казанского взятия был известен Амвросию по какому-то летописному источнику, им не названному (см.: Амвросий. История российской иерархии, ч. VI. М., 1815, с. 222). Вслед за Амвросием это событие называется среди важнейших событий в истории Спасо-Прилуцкого монастыря в его «Описании», при этом называется имя игумена, доставившего крест царю, — Арсений (см.: Описание вологодского Спасо-Прилуцкого монастыря, с. 32). В «Летописце начала царства» сообщение о принесении Грозному «Киликиевского» креста отсутствует.

⁹ А. Н. Насонов. 1) Материалы и исследования по истории русского летописания. — В кн.: Проблемы источниковедения, ч. VI. М., 1958, с. 236—245; 2) Новые источники по истории Казанского взятия. — В кн.: Археографический ежегодник за 1960 год. М., 1962, с. 3—26.

¹⁰ А. Н. Насонов. Новые источники... с. 4—7.

¹¹ Этот вопрос был подробно рассмотрен нами в другой работе (см.: Т. Ф. Волкова. Казанская история и троицкие литературные памятники о взятии Казани. (К вопросу об историко-литературных особенностях «Казанской истории»). — ТОДРЛ, т. XXXVII. Л., 1982, с. 104—117).

приходом «хитрецов» фрягов, подорвавших неприступные казанские стены.

Мы коротко охарактеризовали четыре литературных текста, в которых содержится упоминание об интересующем нас событии — принесении в русский лагерь под Казанью накануне ее взятия «чудотворной» троницкой иконы «Сергиево видение». При всем их различии эти литературные произведения сходны в одном: прибытие иконы изображается в них как важнейшее событие в жизни осаждающих Казань русских воинов и их предводителя Ивана Грозного. Что же представляла собой эта икона?

По-видимому, принесенный Адрианом Ангеловым «образ» был произведением местных троницких мастеров.¹² Как известно, в XVI в. иконописное дело в Троице-Сергиевом монастыре получает уже значительное развитие, в чем существенную роль сыграло творчество Андрея Рублева и его товарищей по искусству, оказавших большое влияние на позднейших троницких иконописцев, резчиков по дереву, кости, камню, создателей книжной миниатюры.¹³ До нас дошли имена многих троницких мастеров, ряд ценных произведений троницкого происхождения хранится в Загорском музее и других государственных собраниях. Иконы письма троницких мастеров в XV—XVI вв. часто подносились великим князьям и царям Московской Руси и пополняли иконописное собрание царской Образовой палаты.¹⁴

Среди произведений, создававшихся в троницких иконописных мастерских, иконы на сюжет «Сергиева видения» пользовались особой популярностью, на что указывают и письменные источники (сведения о вкладышах частных лиц в разные монастыри, о дарах Троице-Сергиева монастыря, преподносившихся знатым богомольцам, и др.), и дошедшие до нас иконописные памятники.¹⁵

Иконографический сюжет «Сергиева видения» основан на рассказе жития Сергия Радонежского об одном из «чудес» Сергия, читающемся почти без изменений во всех редакциях памятника. По тексту жития,¹⁶ во время вечерней службы в праздник Пятидесятницы, когда Сергий, закончив молитву, присел отдохнуть, неведомый голос оповестил его: «Се Пречистая грядет». Услышав «гласъ», Сергий вышел в «сени», и тогда «абие свѣтъ восна велик, зѣло солнца яснѣйший». В этом ослепительном сиянии преподобный видит богородицу и двух апостолов — Иоанна и Петра, «в неизреченнѣй светлости зарею блистающеса». Сергий падает перед ними, «страхом же и радостью обиа». Его примеру следует и его ученик по имени Михай. Богородица простирает руку и, поднимая Сергия, произносит: «Не ужасанся, избранниче мой, приидох бо посѣтити тебе. . .», — после чего она обещает покровительствовать монастырю не только при жизни Сергия, но и после его смерти.

Иконографическая композиция, возникшая на основе этого житийного сюжета, включает изображенные на фоне палат фигуры богородицы и апостолов (справа от зрителя) и Сергия с учеником (слева).¹⁷ Сверху,

¹² О. А. Белоброва, с. 95.

¹³ Т. В. Николаева. Троницкий живописец XVI в. Евстафий Головкин. — В кн.: Культура Древней Руси. Посвящается 40-летию научной деятельности Н. Н. Воронина. М., 1966, с. 177.

¹⁴ О. А. Белоброва, с. 95.

¹⁵ Там же; см. также: Т. В. Николаева. Древнерусская мелкая пластика XI—XVI вв. Каталог. М., 1968, № 69—70.

¹⁶ Цит. по: Н. С. Тихонов. Древние жития преподобного Сергия Радонежского. М., 1892, с. 64—66.

¹⁷ В ряде иконографических памятников XVI в. на сюжет «Сергиева видения» вместо Михея рядом с Сергием изображается его ученик и последователь Никон (судя по тексту троницкой «Повести», Никон, а не Михай был изображен и на иконе, принесенной Ивану Грозному Адрианом Ангеловым). Такое переосмысление житийного текста объясняется, по-видимому, развитием в XVI в. культа Никона, «воспринявшего» из рук Сергия Троницкий монастырь. В разнообразных художественных памятниках, созданных в XVI в., рядом с Сергием Радонежским неизменно изображается

как правило, помещается изображение Троицы. Известны два извода иконографического сюжета «Сергиева видения». В более древнем, сложившемся в Троице-Сергиевом монастыре, все пять фигур изображены стоящими в рост. Самое раннее из сохранившихся изображений «Явления богородицы Сергию» в этом древнем варианте известно в резьбе по дереву — на напрестольном кресте середины XV в. троцкого резчика Амвросия. В другом варианте композиции Сергей, а иногда и Михай изображались коленопреклоненными у ног богородицы. Этот иконографический тип, впоследствии ставший наиболее распространенным, известен с конца XV в. Примером может служить «житийная» икона Сергия в иконостасе Троицкого собора.¹⁸

Из текста КИ и ее троцкого источника, а также по фрагментам «Отрывка» и «Записок» невозможно установить, какой именно была икона «Сергиева видения», присланная из Троице-Сергиева монастыря Ивану Грозному. Однако некоторое представление об этой иконе все-таки может быть составлено на основании двух дошедших до нас троцких икон, передающих тот же сюжет, написанных во второй половине XVI в. одним мастером — келарем Троице-Сергиева монастыря (1571—1581 и 1583—1593 гг.) Евстафием Головкиным.

Первая икона была создана им в 1588 г. (в ней использована древняя композиция сюжета «Явления»); вторая — «Сергий в житии» — в 1591 г. (одно из клейм жития передает сцену явления богородицы Сергию, но в более позднем иконографическом варианте). В колорите и письме этих икон есть ряд общих черт: темный, желтовато-коричневый тон ликов, графичное письмо глаз, морщин, пробела на прямых складках одежд и др.¹⁹ В иконе «Сергиево видение» «фигуры богородицы, Сергия и окружающих их лиц приземисты, но стройны и наделены легким движением».²⁰

Это первое по времени создания произведение Евстафия Головкина представляет особый интерес для реконструкции облика той иконы «Сергиева видения», которая вслед за троцким книжником упоминается автором КИ. Дело в том, что позднейшие записи, сделанные золотом на киноварных рамках иконы,²¹ проясняют два важных для нас обстоятельства: то, что икона была создана по царскому заказу и что она впоследствии становится патрональной иконой русских войск, отправлявшихся на войну.

Икона «Явление богородицы преподобному Сергию», судя по первой записи на иконе, была написана Головкиным по заказу царя Федора Ивановича и царицы Ирины в период их молений о «чадородии». Можно предположить, что заказ царем Федором иконы именно на этот сюжет был обусловлен тем, что с иконой «Сергиева видения» связывалась после 1552 г. замечательная победа войск Грозного над неприступной Казанью. Ее чудодейственная сила, так сказать, была уже «проверена» в важнейших событиях казанской войны: ее испытал на себе отец Федора — Иван Грозный. Возможно, икона «Явление богородицы Сергию», «участвовавшая» во взятии Казани и созданная в Троице-Сергиевом монастыре, была хорошо известна келарю монастыря Евстафию Головкину. Она могла быть возвращена Иваном Грозным в монастырь после казанской победы или поступить, как и другие дары монастыря, в особую Образовую палату. Там ее мог видеть богомольный царь Федор и, когда возник подходящий повод —

и Никон. Известен, например, «двойной покров» с изображением обоих святителей, молящихся Троице, по характеру изображения и по некоторым техническим приемам напоминающий памятники художественного шитья, вышедшие из мастерской князей Старицких (см.: Н. А. М а я с о в а. «Двойной покров» XVI века. — В кн.: Загорский государственный историко-художественный музей-заповедник. Сообщения, вып. 2. Загорск, 1958, с. 25—30).

¹⁸ Т. В. Н и к о л а е в а. Троицкий живописец. . . , с. 179.

¹⁹ О. А. Б е л о б р о в а, с. 98.

²⁰ Там же.

²¹ Текст надписей полностью опубликован в кн.: В. П. Г у р ь я н о в. Икона «Явление богородицы преподобному Сергию». М., 1907, с. 3—4.

перенесение мощей преподобного Сергия в новую, специально для них изготовленную раку,²² заказать троицким мастерам по образцу этой иконы другую на одной из досок от гроба Сергия — с тем же сюжетом, которая могла оказаться столь же чудодейственной, что и икона, полученная его отцом в критический момент осады Казани.

Дальнейшая судьба иконы «Сергиева видения», написанной Головкиным, также весьма показательна: именно эта икона начиная с царствования Алексея Михайловича становится участницей всех важнейших военных предприятий русского самодержавия. В середине XVII в. бывшую «исцелительную» икону помещают в складень, служивший, по-видимому, походной иконой: в среднике его находился образ Спаса, а на створках были изображены покровители воинства — архангел Михаил и ангел хранитель.²³ Образ Спаса был заменен иконой «Сергиева видения», получившей таким образом соответствующее ее новому назначению окружение. В этом новом виде начиная с 1654 г. икона Головкина сопровождала русские войска в военных походах Алексея Михайловича, Петра I, Суворова, Кутузова, «участвовала» в войнах с Турцией (1877 г.) и Японией (1905 г.). В 1914 г. икона находилась в ставке верховного главнокомандующего.²⁴

Все это свидетельствует о том, что в XVII в. и позднее именно эта икона воспринималась как патронесса русских войск. Превращение царем Алексеем Михайловичем «исцелительного» «образа» царя Федора в «воинскую» икону было, по-видимому, не случайным: меняя «функцию» головкинской иконы «Явления», помещая ее в складень, в котором икону удобно было перевозить в условиях военного похода, царь Алексей Михайлович обращался к традиции, ведущей свое начало от полководческой деятельности Ивана Грозного — первого московского самодержца. В условиях, когда после событий Смуты проблема царской власти получает новое актуальное звучание, обращение к «примеру» Ивана Грозного, законного, по рождению венчанного на царство царя, было вполне закономерным.²⁵ Икона, некогда помогшая Ивану Грозному победить «злогордную» Казань, столетие спустя способствует успеху другого законного государя — царя Алексея Михайловича — в его польско-литовском походе. Стремясь подчеркнуть и запечатлеть для истории это второе военное чудо иконы, царь Алексей отдает приказ о нанесении особой записи на полях иконы. Впоследствии к ней стали добавляться другие записи о военных чудесах иконы — об ее участии в других важнейших военных походах русских царей, составившие своеобразную «биографию» иконы.²⁶

Таким образом, фрагмент КИ, описывающий приход под Казань посланцев из Троице-Сергиева монастыря со «святыми дарами», отразил начальную стадию формирования многовековой традиции, диктовавшей русским самодержцам в наиболее серьезных военных предприятиях заручаться поддержкой троицкой «святости».

Введение в научный оборот материала троицкой «Повести», «Записок», опубликованных Г. З. Кунцевичем, и «Отрывка русской летописи» позволяет подтвердить предположение О. А. Белобровой о формировании функции иконы «Сергиева видения» как патрональной иконы русских войск уже до XVII в.²⁷

²² Об этом также сообщает первая запись на иконе.

²³ Т. В. Николаева. Троицкий живописец... , с. 180.

²⁴ Там же, с. 182.

²⁵ Известно, что в царствование Алексея Михайловича заметно усилился интерес официальной культуры к личности Ивана Грозного. Для многих политических мероприятий царя Алексея Михайловича было характерно постоянное напоминание о прямой генеалогической связи правящего монарха с Иваном IV. (Благодарю Н. С. Демкову, обратившую мое внимание на эти исторические факты).

²⁶ В историко-культурном плане было бы интересно сопоставить эту документализированную «биографию» царской иконы, читающуюся на ее полях, с беллетризованными житийными «биографиями» «чудотворных» икон, распространившихся в низовой демократической среде, см. Т. Ф. Волкова. Вновь найденная повесть XVII в. о мезенской иконе Троицы. — В кн.: Рукописное наследие Древней Руси. По материалам Пушкинского Дома. Л., 1972, с. 136—143.

²⁷ О. А. Белоброва, с. 98.